

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

ВАЛЕНЦОВА Марина Михайловна

**Терминология
календарной обрядности
чехов и словаков**

Специальность 10.02.03 — *славянские языки*

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1996

Работа выполнена в Отделе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения и балканистики Российской АН

Научный руководитель - академик Н.И.Толстой

Официальные оппоненты.

доктор филологических наук А.Ф.Журавлев

кандидат филологических наук К.В.Пифанов

Ведущая организация - Петербургский государственный университет

Защита состоится " _____ " _____ 1996 г. в _____

на заседании диссертационного совета Д 002.97.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук
при Институте славяноведения и балканистики РАН (117334, Москва,
Ленинский проспект, 32-А, корп. В).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
славяноведения и балканистики РАН

Автореферат разослан " _____ " _____ 1996 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.И.Ермакова

В последние десятилетия активизировались связи лингвистики с различными науками и областями знания: социологией, археологией, психологией, этнографией, математикой. Плодотворным направлением языкознания стала этнолингвистика, изучающая язык в связи с культурой, мировоззрением, ментальностью народа, его историей и этнографией. В таких исследованиях язык предстает не только описывающей, отображающей, но и моделирующей этнографическую реальность субстанцией. Между языком и действительностью существуют неоднозначные, непрямолинейные отношения, символические связи, которые отражают неименуемую, скрытую, непостижимую природу вещей. На ранних этапах развития общества все было символично, и этот символизм, непонятный в современное рациональное время, остался запечатленным в древнейших пластах лексики, обслуживающих ритуал. Метафора и сравнение были не просто украшением речи или стремлением к экономии языковых средств, но употреблялись с намерением выразить реальность в образах, в символах откровения сокровенного, того, что не могло выявить точное интеллектуальное слово, пригодное лишь для логической и практической мысли. Традиционная лингвистика с ее методами не могла справиться с задачей описания сквозь призму языка и понимания того богатого, одушевленного, божественного мира прошлых тысячелетий, который дожил до наших дней в виде осколков древних ритуалов и магии. В то же время без понимания специфической связи обрядового термина и обрядовой реальности "возможность использования терминологии как источника культурной (этнографической) информации остается достаточно ограниченной, да и сама интерпретация собственно культурных данных не может быть полноценной" (Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры, с. 216).

Реферируемая работа, опираясь на достижения таких ученых, как А.А.Потебня, А.Н.Афанасьев, Д.К.Зеленин, П.Г.Богатырев, Н.И. и С.М. Толстые и др., продолжает этнолингвистические исследования, посвященные фрагментам древней славянской культуры. **Предметом** ее

является терминология календарной обрядности (названия календарных дат, связанных с ними обрядов, исполнителей обрядов и предметов, используемых в обрядовых действиях) двух близкородственных народов: чехов (и мораван как специфической этнической группы) и словаков. Генетическое родство народов и их языков и архаический характер избранной группы лексики, определившие однотипность и схожесть двух обрядовых традиций, позволили рассматривать чешскую и словацкую терминологию в рамках одной работы. Кроме того, совместное рассмотрение двух традиций дало возможность выявить не только общие, но и различные элементы обрядности и обслуживающей ее лексики, а привлечение для сравнения украинского, польского, немецкого и южнославянского материала дало возможность говорить о принципах формирования и путях развития обрядовой лексики вплоть до 20 в.

Обрядовая терминология вообще и календарная в частности не были еще предметом отдельного изучения ни в чешской, ни в словацкой научной литературе. Лексика эта специально не собиралась и не фиксировалась, она слабо представлена в словарях. Попытка фиксации отдельных групп обрядовой лексики была сделана в Этнографическом Атласе Словакии, где картографировались элементы материальной и духовной народной культуры и термины, их называющие; несколько карт в Атласе посвящены распространению календарных терминов (название Рождества, масленицы, Троицы, приуроченных к календарным праздникам хлебов и печения, чучела Марены). Основная же масса лексики, обслуживающей календарную обрядность, растворена в этнографических источниках, в текстах, описывающих соответствующие ритуалы и праздники. Поэтому **актуальной** стала задача сбора, классификации и изучения этой группы обрядовой лексики, представляющей собой систему, включающую не только архаический пласт языка, но и различные наслоения, заимствования и влияния: античное, ренессансное, западно-христианское. Материалы и результаты исследования могут быть использованы для решения актуальных общих вопросов славяноведения: происхождения и расселения славян,

межэтнических контактов и миграций, определения степени родства славянских языков, реконструкции славянской духовной культуры.

Целью данной работы было собрать, описать и исследовать лексику календарных обрядов чехов и словаков. Для ее осуществления ставились следующие **задачи**: составление этнолингвистических словарей чешской и словацкой календарной терминологии; на основе полного корпуса терминов - выявление источников и принципов формирования данной терминологии: мотивационных типов, моделей и словообразовательных средств, использованных при номинации, заимствований и калек; определение семантики и символики обрядовых терминов и обрядовой реальности, ими обозначаемой; фиксация областей распространения терминов с целью определения границ этнокультурных зон.

Материал для исследования черпался главным образом из этнографических описаний разных типов: этнографических энциклопедий, монографий, посвященных календарной обрядности чехов и мораван (работы Ч.Зибрта, Ф.Бартоша, В.Фрольца и др.) и словаков (книги и статьи Э.Хорватовой, В.Фегловой и др.), этнографических описаний различных областей Чехии (Ходска, Дудлебска), Моравии (Лугачевского Залесья, Ганы) и Словакии (Верхнего Грона, Замагурья, Спиша), а также отдельных населенных пунктов и городов (Собенова, Бардеева, Лишова и др.). Значительное количество материала содержится в научных сборниках и статьях, опубликованных в периодике (журналы *Český lid*, *Slovenský národopis*, *Národopisné aktuality* и др.) и посвященных различным проблемам традиционной духовной культуры, изучению элементов обрядности, состояния традиции. Часть обрядовой терминологии оказалась зафиксированной региональными идеографическими (И.Рипки и Я.Матейчика), диалектными (Ф.Бартоша, Й.Ф.Грушки, К. и М. Калалов, Словарем словацких говоров), этимологическими (В.Махека, Й.Голубы и Ф.Копечного) и историческими (Я.Гебауэра) словарями, а также фольклорными сборниками: народных песен Я.Коллара, пословиц и поговорок А.П.Затурецкого и Ф.Л.Челаковского.

В ходе работы применялись описательно-аналитический, сравнительно-исторический, типологический, сопоставительный и ареальный методы, метод системного анализа (семантический анализ микрополей); при обработке словарей применялся метод сплошной выборки.

Научная новизна и теоретическая значимость работы состоит в том, что были впервые собраны и приведены в систему богатые и разнообразные лексические материалы по календарной обрядности чехов и словаков; сделан шаг в осмыслении языкового кода ритуалов, обрядовых предметов, персонажей и праздников в общеславянском контексте; определены источники, принципы и способы формирования системы календарных терминов, пути и направления развития системы обрядовой терминологии. Были созданы словари чешской и словацкой календарной обрядности, которые сделали доступным малоизвестный доселе пласт лексики для дальнейшего изучения в разных аспектах (диалектологическом, историческом, семантическом и т.п.). Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для целей разработки актуальной для словакистики проблемы происхождения словацкого языка и его места в семье славянских языков. Материалы работы помогут в исследовании запутанной этнографической ситуации в Моравии в связи с разнообразными и разновременными потоками миграции сюда других этносов. В общеславянском масштабе собранные материалы, которые представляют один из "диалектов" древнеславянской духовной культуры, восполняют ту часть традиционной картины мира, без которой немыслима реконструкция ее праславянского состояния.

Практическое применение работа может найти в этнолингвистических разысканиях широкого спектра: от статей для этнолингвистического словаря "Славянские древности" до проблемных научных статей, касающихся различных сторон славянской обрядности, вопросов сравнительного и типологического изучения обрядности и обрядовой терминологии разных славянских и неславянских народов. Материал диссертации также найдет применение в учебной практике:

чтении лекций и спецкурсов по славянской этнографии, чешской и словацкой диалектологии, а также в сугубо лингвистических исследованиях (ономасиологии, лексикологии, стилистики и коммуникативной лингвистике).

Апробация работы. Положения диссертации докладывались на заседаниях Отдела этнолингвистики и фольклора ИСБ РАН и этнолингвистическом семинаре Н.И.Толстого на филологическом факультете МГУ, на конференции "Дом в культуре" (Щецин, Польша). По теме диссертации опубликовано 7 статей.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, трех карт, библиографии со списком сокращений и трех приложений, где помещены "Словарь терминов чешской календарной обрядности" (1080 статей), "Словарь терминов словацкой календарной обрядности" (850 статей), "Семантический словарь хрононимов" (названия праздников и дней, упорядоченные по хронологическому принципу).

Содержание работы. Во введении охарактеризовано этнолингвистическое направление исследования и обоснована необходимость применения данной методологии; сформулированы цели и задачи работы и обсуждены необходимые теоретические вопросы, связанные с изучением терминологии: определение термина народной духовной культуры, взаимоотношение термина и референта (обрядовой реальности); кратко изложена структура и характеристика глав диссертации. Здесь же дан обзор источников и материалов, послуживших основой исследования.

1 глава посвящена изучению хрононимов, т.е. названий дней, праздников и временных периодов. Хрононимы различаются формально - по своему строению: они могут быть простыми (*hody*), сложными (*Svatvečer*) и составными (*majové svátky*). Опорный компонент словосочетания представляет собой апеллатив с темпоральным значением 'день', 'праздник', 'канун', 'среда' и т.п., а атрибутив может быть выражен как именем нарицательным, так и именем собственным. Терминология праздничных дней вообще выделяется среди других групп

обрядовой лексики. С одной стороны, это "имена" определенных дней, а с другой - одно и то же "имя" может относиться к разным дням, а также к сходным, соотносимым в народном представлении праздникам: например, *Marianské sviatky* - все праздники, посвященные Деве Марии, *svaté Jany* - дни всех святых с именем Ян, *suché dni* - дни, когда действуют запреты на ряд работ во избежание засухи. Некоторые хрононимы прямо представляют собой результат онимизации апеллятивов: слц. *Sviatky*, чеш., слц. *Hody*, чеш. *Post*. Значительная часть хрононимов является результатом трансонимизации, т.е. перехода антропонимов (имён святых) и мифонимов (имён мифологических персонажей) в класс хрононимов: слц. *sv. Lucia*, чеш., слц. *Barborka*, *Mikuláš* и др.

Народный календарь чехов и словаков по происхождению является церковным. Основная масса терминов связана с религиозными представлениями, евангельскими сюжетами, практикой католического обряда. Имеются собственно церковные канонические названия (чеш. *Uvedení Páně do chrámu*) и названия, мотивированные христианской практикой и верованиями (*Černá neděle*, *Tří krále*). Кроме того, выделяются общехристианские термины (чеш. *Boží narození*, слц. *Narodenie Panny Márie*) и собственно католические (чеш. *slavnost Božího Těla*, *Bílá sobota*, слц. *sviatok Božieho Tela*, *Biela sobota*).

Церковные названия праздников творчески переосмыслились и приспособлялись к народной обрядовой практике. При этом нередко хрононим мотивировал обрядовые действия, связанные с данным днем (случай лексической мотивации обряда). Например, в Пепельную среду выгребали золу из печи, в день Избиения младенцев в Вифлееме (*deň Mlad'átek*) стегали детей прутиками, гадали о здоровье детей и т.п. Церковные термины могли служить и словообразовательными моделями для аналогичных народных названий. Так, по аналогии с днем *Mlad'átek* (день Избиения младенцев в Вифлееме), последним днем рождественских праздников, во время которых не пряли, - появился термин морав.

Prad'átek для обозначения следующего дня, когда возобновлялось прядение.

Значительное количество церковных хрононимов образовано на основе католических святцев, т.е. является антропонимами по происхождению: чеш. *den svatej Kateřiny*, слц. *sv. D'ura deň*. В разговорной речи для них характерно "свертывание" (или конденсация) с образованием более простого словосочетания: чеш. *svatý Jan*, *svatý Matej*, слц. *svätý Juraj* или однословного термина: чеш., слц. *Blažej*, *Ondřej*, *Lucka*. Последние составляют пласт собственно ономастической лексики. Имеется, однако, и противоположная тенденция: присоединения к имени определения, характеризующего называемый день, напр. слц. *fizulová Katerína* - день св. Катерины, срок посадки фасоли.

Равнозначны имени в функциональном плане составные термины *Panna Maria* и *Matka Božia*. Они употребляются для называния любого "богородичного" праздника, а в ситуации, требующей конкретизации, присоединяют соответствующее определение: "зеленая" (слц. *Matka Božia Zelená*), "семенная" (морав. *svátek Panenky Marie semennej*), "посевная" (слц. *Seť'ová Panna.Mária*) и т.п.

Некоторые хрононимы, образованные от имен святых, формируют целые гнезда семантических и словообразовательных дериватов, напр., термин *Martin*, или *svatý Martin* (11 ноября) мотивирует названия самого празднования (*martinkování*, *světiti martínka*, откуда и *martínek* 'пьяница'), праздничного печенья (*martiny*, *svatomartinské rohlíky*, *martinské skládanky*, *podkovy sv. martina*), традиционного печеного гуся (*svatomartinská hůsa*), обрядового сбора годовой оплаты пастуху (*svatomartinská sýpka*), обрядовых прутьев для стегания в этот день (*marciny*). Не менее продуктивны и хрононимы *sv. Jan*, *sv. Barbora*, *sv. Lucie* и др.

Многие хрононимы весьма информативны. В них заключена сущность праздника, они предписывают определенное поведение, способ празднования, состав участников, приготовление обрядовых блюд, указывают на мифологических персонажей, связанных с данным днем. На основании классификации этих отраженных в названиях сущностей были

выделены группы хронимов, мотивированные названием обрядового предмета или вещества (чеш. *Popelční středa* / слц. *Popolcová streda* - в этот день священник мазал лоб прихожан пеплом, чеш. *Smrtná neděle* / слц. *Smrtná nedel'a* - в это воскресенье обычно выносили из села чучело "Смерть", символизирующее смерть, зиму, болезни, чеш., слц. *Hromnice* - праздник Сретенья, когда освящали в костеле свечи, *hromničky*, зажигаемые во время грома и молнии, и т.п.); названием угощения, кушания, выпекаемых хлебов, яиц (чеш. *Červené vejce* - название Пасхи по ее характерному атрибуту - крашеным яйцам, чеш. *Pučálka* - по традиционному кушанью из намоченного и обжаренного гороха, слц. *Buchetná neděle* - когда пекли и освящали в костеле булочки и т.п.); названием характерного, в том числе обрядового, действия (чеш. *Kýchavná neděle* - от *kýchati* 'чихать', чеш. *hrčeni týden* - от *hrčeti* 'греметь, стучать обрядовыми трещотками', слц. *polazující dni* - от *polazovat* 'приходить первым в дом в определенные праздники с благопожеланиями', слц. *Žerný deň* - от *žrat* 'есть, объедаться' и т.п.); названием обряда (чеш. *voráčky, pomlázka* - названия дней, когда совершаются одноименные обряды "пахоты" и "стегания"); именем обрядового персонажа или участника праздника (чеш. *Králová neděle* - характерная черта праздника - игры в "короля", чеш. *Liščí neděle* - совершался обход ряженой "Лисицы", слц. *Turíce* - праздники, связанные с почитанием тура и др.). "Системность" обрядовой терминологии проявляется в номинации праздников по их положению в системе календаря, соотносительностью с другими датами и периодами (называние по порядку следования: чеш. *První Matička*, слц. *Druhí Svjat večur*; по отношению к началу-концу периода: чеш., слц. *ostatky*, морав. *ostatní Masopust*, слц. *posledný fašiang*; по значимости: морав. *velký masopust - malý masopust*, слц. *malé Vianoce, malé hodky*; по соотносительности друг с другом: слц. *Malá Mara - Vel'ká Mara* и др.). Продуктивна номинация праздников и дней на основе их семантики и внутренней символики (семантика "обилия": чеш. *Štědrý večer*, слц. *Štedrý deň*, морав. *Tlustý čtvrtek*; "прихода/перехода": слц. *Kračún*; "безумства": чеш. *Bláznová středa*,

слц. *Šalone dni*). В названиях могут отражаться поверья, связанные с соответствующим днем или периодом календаря (слц. *Křivá středa* "Кривая среда", чеш. *Chromá středa* "Хромая среда"). В случае составного термина в выделенных группах анализировался лишь мотивированный его компонент, в то же время учитывался и семантически "пустой" компонент, принимающий участие в образовании общего смысла термина (символика дней недели, "счастливых" и "несчастливых" дней и т.п.).

В ходе изложения обсуждаются спорные проблемы трактовки, семантики и происхождения терминов и предлагаются собственные решения. Это касается, например, чеш. и слц. *Hromnice*, который, как показывает исторический материал, мотивирован названием свечи, освящаемой в этот день; чеш. *(D)ružebná neděle* / слц. *Družobná nedel'a*, судя по материалам, представляет собой не искажение католического *Růžebná neděle*, а восходит к *družiti и связан с характерным для славян обрядом кумления; слц. *Kračún*, исходя из семантики праздника как времени, обозначающего "переход", можно связать со славянским глаголом *kračati 'шагать, приходиться'.

Вслед за семантическим анализом хрононимов дается их словообразовательный анализ. Такие общие способы терминообразования, как аффиксация, субстантивация, лексикализация словосочетаний и форм Gen. и Nom. pl., лексико-семантические трансформации (метафора, метонимия), заимствования (в основном из латинского и немецкого, редко из др. славянских языков) оказались также представленными в исследуемой группе лексики. Специфическими чертами рассматриваемой лексики следует считать большой удельный вес составных наименований, лексикализованных форм множ. числа (чеш. *Máje, Letnice*, слц. *Turíce, zapustky*) и Под. падежа (чеш. *Jana Křtitele, Svatej Lucie*, слц. *Filipa a Jakuba, Svatého Ducha*), а в семантическом плане также широкое использование церковного календаря и христианских представлений, в меньшей степени мифологии и обрядности - как систем, мотивирующих хрононимы.

Заключает главу сравнение чешской и словацкой терминологии праздников. К общему языковому фонду чешских и словацких хрононимов относятся лексемы, в основном составляющие праславянский набор корневых морфем: *Babí večer, Hod, Hody, Květná neděle, Kvetná nedel'a, Letnice, Smrtná neděle / nedel'a, svatvečer, Štědrý večer* и ряд других, большинство из которых распространено по всей чешско-словацкой территории. Некоторые из этих терминов имеют ограниченное распространение (чеш. *Masopust*, слц. *Fašiangy*, чеш. и зап.-слц. *Letnice*, зап.-чеш. и сев.-слц. *Zelené svátky/sviatky*); имеющиеся данные нанесены на карты 1,2,3.

Кроме общих названий, в каждом из исследуемых языков есть и специфические. В чешском это *Bláznová tředa, Červené vejce, Úkony*, в словацком - *Suchá streda, Krivá streda*. Различаются хрононимы, мотивированные разными для чехов и словаков кушаниями, названиями исполняемых ритуалов, обрядовых персонажей (например, словаки не знают обхода "Лисицы" во время Великого Поста, неизвестен им и термин *Liščí neděle*). К различиям относится более разработанная в чешском языке система названий дней Великого поста, а также более выраженная в чешском ориентация на немецкую календарную терминологию (заимствование мотивационных моделей, калькирование, например, определение "молодой" в чешском: *Mladé velikonoce, mladé hody*, ср. нем. *Jungostern* "молодая Пасха", *Jungfastnacht* "молодая масленица", ср. слц. *malé vianoce, malé hodky*).

Вторая глава посвящена анализу названий обрядов и обрядовых действий (акционального ряда). При исследовании использовались различные подходы: рассмотрение обрядов в этнографическом контексте; выделение концептов - абстрактных акциональных символов с однородной символикой; собственно лингвистический анализ (структура термина, способ терминологизации, тип мотивации, диалектные особенности и т.п.).

Самую большую группу составляют названия обрядов, семантика которых имеет "объектный" акцент (по терминологии С.М.Толстой), т.е.

наряду с основным значением действия включает значение объекта, с которым совершается действие. Объектом может выступать реальный предмет (морав. *skrajovat buchtu* "резать булку" - молодежный обычай отмечать Новый год), обрядовые лица и ряженные как пассивные персонажи (чеш., морав. *honit krála* "преследовать "короля" - троицкий "королевский" обряд), мифологические персонажи и духи (чеш., морав. *pálení čarodějnic* "сжигание ведьм" - обычай возжигания костров в ночь на 1 мая), животные, птицы и насекомые (слц. *husy dlatit'* "давить гусей" - обрядовое действие просперативной магии), праздники, дни и периоды (чеш. *pochováání masopusta* "похороны масленицы" - прощание с масленицей перед Великим Постом). Наблюдается вариативность обоих лексических компонентов, обусловленная "синонимией" соответствующих действий, реалий и лиц. Например, заключительный обряд проводов масленицы может использовать в качестве объекта "похорон" - ряженого, чучело и контрабас как символ масленичного веселья, что отражается в терминологии: *pochováání masopusta, masopustníka, Bakchusa, basy*. Аналогичным образом образуются "акциональные" ряды: масленицу могли "хоронить", "убивать", "закапывать", "пропивать" (*pochovávat, strílet, zakopávat, zapíjet*). Инвариант значения этих терминов передает основной смысл обряда.

Для номинации обходных обрядов используется способ лексикализации словосочетания глагол + существительное. Акциональный компонент (глагол) в них остается неизменным (*chodit, chodenie* или *íst'*), а вторая часть обозначает предмет, с которым совершается обход (слц. *chodit' s chrenom*), главное обрядовое лицо (чеш. *chodit s Barborkou*), цель обхода (чеш., морав., слц. *chodit po kolede, koledu*), способ исполнения обходного обряда (слц. *chodit' hejnom*, т.е. "гуськом"). Терминология этой подгруппы показывает вариативность - лексическую (варианты названий объекта), грамматическую (разнообразие предлогов и предложно-падежных конструкций) и лексико-грамматическую (различные части речи вместе с предложно-падежными конструкциями). "Объектное" со-значение термина не обязательно выражено лексически, оно может включаться в семантику

однословного термина, т.е. мотивировать название обрядового действия, например, слц. *ocel'ovanie* обозначает "хождение со сталью" в рождественский период для пожелания здоровья и крепости. В других терминах, наоборот, не выражено лексическое значение действия, ср. морав. *kužel, přeslička* "кудель", "пряслице" - празднование окончания супрядок.

"Темпоральный" признак действия является ведущим в названиях ритуалов, исполняющихся несколько раз в году, определяя время празднования. Он также используется для соотнесения обряда со временем. По структуре такие термины могут быть однолексемными, мотивированными названием праздника (слц. *mitrovat'* 'праздновать день св. Дмитрия', чеш. *martinkování* 'празднование дня св. Мартина'), или сложными терминами, включающими календарное определение (чеш. *koleda tříkrálová* 'колядование на Крещение (Трех королей)'). Особую группу составляют метафорические наименования обрядов, значение которых, как значение фразеологических сращений, не выводится из суммы значений компонентов. Например, морав. *kupovat jařovice* "покупать телочек" обозначает молодежный обряд в день св. Степана (парни, ряженные мясниками, переворачивали кровати еще спящих девушек или вытаскивали их на улицу).

"Персональный" компонент значения представлен довольно редко: в обрядах, мотивированных названием исполнителя (морав. *chlapěcká šlaháčka* 'стегание парней в пасхальный понедельник'), а также в метонимических названиях: морав. *královničky*, слц. *Traja králi*).

Сравнительно небольшую группу составляют термины, обозначающие обрядовые действия, в которых "акциональный" компонент значения оказывается не только главным, но и единственным. Такие названия маркируют наиболее значимые ритуальные действия: приход первого посетителя (слц. *polazovanie* < *polazovat'*), пахоту (чеш., морав. *voračka* < *vorati* 'пахать'), ритуальное создание шума (морав. *hrkáni* < *hrkati* 'стучать, горомыхать'), стегание (морав. *šlaháky* < *šlahat'* 'бить, стегать'), обливание (слц. *polievanky, oblievačka* < *oblievat'* 'обливать'), говорение и

благопожелание (слц. *vinšovanie* < *vinšovat* 'произносить благопожелания') и некоторые другие.

Основным способом терминологизации в данной группе следует считать образование отглагольных существительных и существительных с признаками действия; наблюдается также использование специальных морфем, не характерных для подобных форм в литературном языке, например, суффиксов с экспрессивным оттенком: *-ut-* (*mrskut*), *-ák-* (*šibáky*), *-ot-* (*šibota*) и др. (ср. лит. *šibačka*, *oblievačka*).

Важным смысловым компонентом в терминологии обрядовых действий является цель действия. Термин в таких случаях представляет собой как бы свернутую в одно слово мотивировку действия, например: слц. *mladzenkovanie*, чеш. *pomlázka* "омолаживание" - 'стегание прутьями' в рождественский или предпасхальный период ради здоровья и омоложения.

Для терминологии обрядов и обрядовых действий не характерны заимствования. Тем не менее, особое положение и исторические условия развития Чехии обусловили наличие в терминологии обрядов двух заимствований из немецкого языка: названия "королевской" игры на Троицу - *pikšvonc* (из нем. *Pfingstschwanz* "троицкий хвост") и названия пасхального стегания *šmerkust* и вариантов (из нем. *Schmeckostern* "Пасха хлестания"); последнее распространено наряду с собственно славянскими названиями.

В терминологии обрядов и обрядовых действий наибольшее количество терминов относится к обрядам изгнания нежелательных явлений и персонажей и именуется различными способами избавления от них: похороны, закапывание, сжигание, изгнание шумом, вынос из села, разрывание на части (чеш., морав. *pochová(vá)ní*, *zakopávat*, *pálit*, *vykuřovat*, *honit*, *zanášet*, *vynášení*, *vypraskávat*, *střílet*, слц. *pochovanie*, *pálenie*, *honenie*, *vynášenie*, *stínanie* и др.). Вторую по важности и численности группу терминов составляют названия обрядов, направленных на обеспечение здоровья и плодородия. Основными обрядовыми действиями, получающими терминологическое выражение,

являются обливание, хлестание ветками, запашка, внесение апотропейных предметов, обильная трапеза (чеш., морав. *polévání, kúpačka, mrskání, šlaháčka, voračka*, слц. *oblivačka, šibačka, mladenkovanie, nosenie (leta), sadenie (majov)*, морав., слц. *tučná, hojna, obžerná (večera)* и под. Множественность подобных "акциональных" символов отражает первостепенную важность этих двух типов ритуалов, призванных обеспечить стабильность существования социума, в первом случае - путем удаления всего злого, во втором - путем призывания и стимуляции всего доброго.

Интересной предстала в терминологии действий семантика "начала" и "конца". Лексемы, описывающие окончание ритуала, часто имеют характерный морфологический показатель: префиксы *za-* (со значением завершения действия: *zakupávat, patopit', zapít'*) и *vy-* (со значением направленности действия наружу, от себя, завершения действия, достижения результата действия: *vynášení, vypraskávat; vyšibat', vypal'ovat', vipriadat'*). Ритуалы маркируют начало и конец праздника или самого обряда, и тем самым вносят упорядоченность в категорию времени, устанавливают границы пространственно-временного континуума.

Весьма продуктивной для чешских и словацких диалектов является модель образования акционального термина 1) от аппеллятива (морав. *rodičovat* < *rodič*, слц. *vajkovať* < *vajce*) и 2) от имен собственных (чеш. *martinkovat* < *Martin*, *štěpanování* < *Štěpán*). Данная модель не является специфической и представлена в других славянских языках и диалектах.

Основными способами создания терминологии акционального ряда являются образование словосочетаний и аффиксальный способ, в то время, как семантическая трансформация (широко применяемая для образования группы обрядовых предметов) здесь используется гораздо реже.

Глава 3 посвящена терминологии предметного ряда календарной обрядности чехов и словаков. Многочисленность этой группы терминов обусловлена тем, что помимо собственно ритуальных предметов в обрядах широко используются обиходные домашние, а также природные

предметы и материалы, например, ветки, свечи, утварь, которые приобретают магические функции в результате особых приемов изготовления, использования их обрядовыми лицами, в сакральное время.

Собранный материал классифицируется и распределяется по лексико-семантическим группам, которые имеют общую архисему и, в основном, общий тип мотивации и образуются по сходным словообразовательным моделям. Выделено 13 таких групп терминов: I. Обрядовый реквизит: 1. названия обрядовых прутьев (напр., чеш. *pomlázka*, слц. *polaznička*); 2. названия обрядовых деревцев и веток (напр., слц. *máj*, чеш. *léto*); 3. обрядовых кнутов и плеток (слц. *korbáč*, морав. *žila*, *mrskáč* и др.); 4. обрядовых трещоток (чеш. *hrkačky*, *klapačky*); 5. обрядовых чучел и кукол (чеш. *Smrt*, слц. *Morena*, *Dedko*); 6. других обрядовых предметов (нитей, стульчиков, соломенных украшений и т.п.: чеш. *pašijové niti*, слц. *luciový stolček*, *kóka*); II. Состояния и субстанции: 7. названия обрядовых костров и огней (чеш. *jidáš*, слц. *vajano*); 8. названия воды (морав. *mlčavá voda*, чеш. *tříkrálová voda*); III. Пища: 9. названия обрядовых угощений (морав. *ščedráčka*, чеш. *pučálka*); 10. пасхальных яиц (чеш. *kraslice*, слц. *písanky*); 11. обрядовых хлебов и печения (чеш. *jidášky*, *mazanec*, слц. *kračún*); 12. подарков и собираемых во время колядных обходов продуктов (чеш. *koleda*, *malovna*, *pomlázka*); IV. Вербальные компоненты: 13. названия коляд, песен и благопожеланий (слц. *koledačky*, *vinše*, *ritmy*).

Исследование выделенных групп лексики показало, что мотивация обрядовых реалий хрононимом является универсальной и используется для образования терминов всех выделенных групп (название прута, используемого в день св. Мартина - слц. *marcin* < Martin; название восковых фигурок в обряде гадания в день св. Андрея - морав. *ondřejky* < Ondřej; ветки, срезанные в день св. Варвары - чеш. *barborky* < Barborka; название рождественского пирога - слц. *kračún* < Kračún 'Рождество'; название чучела на масленицу - чеш. *masopust* < masopust 'масленица' и т.п.). Другие типы мотивации также используются в нескольких группах, например, мотивация изображаемым предметом, лицом, животным характерна для названий обрядовых хлебов (чеш. *vrkoč*, слц. *kačka*),

обрядовых чучел (слц. *Smrt'*, чеш. *koledník*) и украшений (слц. *kvočka*); действием (производимым предметом или совершаемым с предметом) мотивированы названия пасхальных трещоток, звучащих инструментов (чеш. *rachačka, bukáč*), обрядовых кнутов (морав. *mrškačka, šlaháčka*), пасхальных яиц (слц. *farbené, škrabané vajcia*), обрядового печения (слц. *rezanky*, морав. *krajenec*) и т.п.

Детальный анализ названий в обрядовом контексте позволил выделить те значимые компоненты, которые считались наиболее важными для исполнения реалией (в широком смысле) ритуальной функции. В качестве примера приведем названия прутьев и веток, использующихся в обрядах зимнего и весеннего цикла для стегания людей ради здоровья, живости. Сам прут, уже имеющий символику роста из-за его принадлежности к растительному миру и символику дерева (породы дерева), с которого он срезан, ритуализируется дополнительно фактом приноса его обрядовым лицом (напр., пастухом), который этим прутом стегает, сакральным временем (напр., на праздник), специальным украшением (напр., прикреплением к нему колосьев, корня хрена, хвои), а также приписываемыми ему магическими свойствами, которые он приобретает в связи с добрыми намерениями поздравляющего (он должен приносить счастье, благополучие дому и т.п.). Эти смыслообразующие компоненты кодируются в названиях веток, т.е. подкрепляются словом: слц. *jedlička*, морав. *chvůja* (маркируется порода дерева - хвойные деревья имеют силу оберега), слц. *polazeň, polazník, kaňáš* (маркируется обрядовое лицо - полазник или пастух свиной), слц. *marcin*, чеш. *barborka* (маркируется сакральное время: день св. Мартина, день св. Варвары), слц. *chren* (маркируется способ украшения ветки корешком хрена - символом здоровья), морав. *ščěstí, ščastička*, чеш. *pomlázka* (маркируется способность веточки приносить счастье или омолаживать человека).

В результате исследования была выявлена символика обрядовых предметов, механизмы номинации и мотивационные основы их названий. Исключительную словообразовательную вариативность показала группа обрядовых пасхальных трещоток, названия которых образованы от

“звуковых” и “шумовых” лексем (*rachotati* ‘грохотать’, *řechtati* ‘ржать’, *klapati* ‘стучать’, *rapčat* ‘трещать’, *trkotat* ‘трещать’, *klokotat* ‘клокотать, бурлить’, *vřzgat* ‘скрипеть, хрипеть’, *skřípati* ‘скрипеть, скрежетать’, *štěkati* ‘щебетать, лаять’, *vřeštěti* ‘визжать, пищать’, *hrknouti* ‘стукнуть, громыхнуть’, *brnkati* ‘бренчать, тренькать’ и др.), а также путем метафорического переноса названий животных, издающих подобные звуки: морав. *kůň*, *hřebec*, *žaba* и др.

Сильное влияние мифологии испытала группа названий обрядовых кукол и чучел. В семантическом плане чучела предстают заместителями обрядовых персонажей, о чем свидетельствуют некоторые сохранившиеся варианты, где в качестве объекта действия выступают как персонаж, так и чучело, изображающее персонаж, а также некий символ, обозначающий персонаж или др. объект (таков, например, обряд “похороны масленицы”). Чучела также могут приобретать значение одного из символов праздника, если изображаемый ими персонаж является характерной особенностью праздника (напр., морав. *přadlenka* - чучело “Пряха” на праздновании окончания супрядок, или морав. *Jidáš* - чучело “Иуда”, сжигаемое в Страстной четверг, чеш., морав. *Mařena*, слц. *Morena* - чучело “Морена” в великопостной обрядности).

Особое внимание в работе уделено группе названий обрядовых хлебов и печения, что объясняется чрезвычайной важностью и регламентированностью изготовления хлебных изделий в определенные праздники. С одной стороны, терминологически различаются хлеба по их внешнему виду, времени печения и т.п. С другой стороны, наблюдается тенденция к называнию разных хлебов одним общим термином, как бы родовым названием типа рус. *крендель*, *плетенка* (*zakrutáče*, *pletenky* и под.). В названиях хлебов зафиксированы элементы-символы, значимые для народной культуры: выпечка в форме домашней птицы и животных (слц. *kačku* “уточка”, *roháče* “коровки”) имеет апотропейное и продуцирующее значение; охранное значение имеет также изогнутая форма рога или подковы (чеш., слц. *rohličky*), а также плетеные и витые формы (чеш. *točánky*, слц. *zavináče*); выделяются архаической семантикой

хлебы с отверстием посередине (слц. *dieravý koláč*), которые приобретали магические функции, связанные с возможностью смотреть сквозь отверстие, надевать калач на палку и т.п. Многие названия хлебов "полисемичны". Повторяемость терминов в рамках календарной (а также некалендарной) обрядности связана с процессом детерминологизации названий хлебов и использованием последних для номинации вне связи с календарными праздниками. Этот процесс явился следствием десакрализации самих обрядовых хлебов, способов их изготовления и употребления. "Хлебной" терминологии свойственна также "синонимия" в рамках общенародного языка, включающего все его диалекты. В работе выстроены ряды таких междиалектных "синонимов" (с географическими пометами) для обозначения пасхального кулича и рождественского хлеба (пирога). Последний назывался: чеш. *vánočka*, слц. *vianočka*, *vilijoví chlieb*, *kračún*, *kračunov brat*, *kračuník*, чеш. *štedrovka*, слц. *štedrovka*, чеш. *štedrovnice*, слц. *štedrák*, *polazník*, *gazda*, чеш., слц. *koláč*, слц. *dieravý koláč*, *mrváň*, *baba*, *babka*, чеш., слц. *calta*, слц. *radostník*, *pupkový chlieb*, чеш. *pletenice*, слц. *pletenák*, *pletenec*, чеш. *houska*, слц. *sladkáň*.

Для рассматриваемой ЛСГ характерна терминологизация нетерминологической лексики, которая приобретает значение термина для называния реалии в определенном обрядовом контексте (ср. упомянутые выше случаи сакрализации обычных предметов: слц. *bič* 'бич', *klát* 'колода', чеш. *ferula* 'палица', *karabáč* 'кнут').

Сравнительно много слов в группе обрядовых реалий образовано путем заимствования лексем из немецкого (слц. *krist'ind'el* < Christkindel, чеш., слц. *calta* < Zelten), из других славянских языков (слц. *kulič* < рус. кулич, *paska* < укр. паска, чеш., слц. *sobotky* < пол. sobótki); встречаются также тюркизмы и мадьяризмы (чеш., слц. *korbáč*, морав. *čugar*; слц. *lokše*, *cipov*).

В этой же главе рассматривается интересное явление: существование дублетных морфологических форм мужского и женского рода для обозначения одной и той же реалии (майского деревца: *máj* - *mája*, *mája* - *maják*, *majiček* - *maječka*, рождественского прута: *polazník* - *polaznica*,

пасхальной трещотки: *tratórek - tratárka*, калача, хлеба: *výslužek - výslužka*, *krapeň - krapňa* и др.). Эта закономерность уже была замечена исследователями и обсуждалась на примере названий деревьев и дней и названий домашней утвари в работах Н.И.Толстого и А.Л.Топоркова. В то же время чешский и словацкий материал еще нигде не обсуждался.

В 4 главе рассматриваются названия персонажей и участников обрядов. Терминология разделена на 3 группы: участники и исполнители обрядов; ряженые персонажи, среди которых различаются антропоморфные и зооморфные ряженые; и мифологические персонажи, в сущности демоны, связанные в народном представлении с некоторыми праздниками.

Основная функция исполнителей и участников обрядов - совершение обрядового действия, поэтому и названия их мотивированы признаками обряда: темпоральным (календарным временем исполнения: слц. *fašengare*, морав. *ostatníci* - участники масленичного ряжения и обходов, т.е. на *Fašiangy*, или *ostatky*), собственно обрядовым действием (чеш., слц. *koledník* - тот, кто колядует, морав., слц. *polazník* - тот, кто *polazí*, т.е. приходит первым в дом поздравлять на Рождество и др. праздники, морав. *kupač*, слц. *oblevár* - тот, кто *kúpa*, *oblieva* 'обливает') или названием обряда (чеш. *voračkáři* - участники обряда *vogačky*, морав. *pomejdlice* - участницы обряда хождения по *mejdle*, т.е. "с мылом", морав. *babkovníky* - участники масленичного обряда *babkování*), характерным предметом, который является атрибутом обряда и самих персонажей (слц. *hviezdonosič* - персонаж, который носил "звезду" в крещенских обходах, морав. *létačky* - девушки, которые носили по селу деревце "лето", слц. *klátňici* - парни - участники обряда "колодка"), названием сопровождаемого ряженого (чеш. *klibnář* сопровождал *Klibnu*-кобылу, слц. *medvediar* - *Medved'a*).

Особое место в терминологии участников обрядов и в обрядовой терминологии вообще занимает термин *král* и его производные. Он широко используется для номинации ряженых весенне-летней обрядности как по отношению к мужским, так и женским персонажам и имеет общее значение

'самый лучший, самый быстрый, самый ловкий' или по отношению к девушкам - 'самая красивая, самая быстрая, самая умелая', т.е. основная семантика лексем с корнем *král*- это выделенность с положительным знаком. Этот же корень с тем же значением используется для называния предметов: *král* - самое красивое украшение в день св. Николая, также главное "майское" дерево.

В отличие от исполнителей для ряженных персонажей характерно изображение, замещение нереальных персонажей, "других" персонажей (представителей иных этнических и социальных групп), а также животных и птиц. Наименования могут быть однолексемными, как правило, если ряженный получает имя изображаемого персонажа (чеш., слц. *Lucka*, слц. *Tesár*), или двулексемными, например, когда название отражает какой-либо признак персонажа (чеш. *Štědré báby*, слц. *betlehemskí valaši*).

Одна из интереснейших групп лексики - названия ряженных, изображающих мифологических персонажей. Они представляют демонов, но демонов, получающих имена христианских святых в соответствии с днем в церковном календаре, когда выступают ряженные. Так, по сути один и тот же женский мифологический персонаж, карающий за несоблюдение запретов на женские работы (прядание, шитье и т.п.), имеет в разные дни различные имена: чеш., слц., морав. *Barborka*, *Lucka*, морав. *Mikuláška*, *Matička*. Примечательно, что в день св. Николая (sv. *Mikuláš*) этот персонаж также получает имя, соответствующее празднику, но в женском роде (*Mikuláška*), или же предстает в виде "матери св. Николая". Демонологическая природа подобных персонажей преобладает над ореолом имени святого и превращает святых Люцию, Варвару, св. Николая, Томаша в демонов. В народных рассказах, например, св. Люция представляется "самой большой ведьмой". Та же демонологическая природа обуславливает появление зооморфных черт ряженных или изображения их в виде животных (так, *Lucka* изображалась "Кобылой" или существом с огромным клювом и т.п.).

Ряженные связаны с днями календаря не только посредством терминологии, но и через символику праздника. Таковы случаи, когда

ряженный является персонификацией праздника или его символа: чеш. *masopust*, *Bachus*, слц. *Bakus*, морав. *pučálník*, чеш. *Štědré báby*.

При номинации ряженных по выполняемому ими действию, в названиях отражаются в основном такие действия, которые свойственны демонологическим персонажам: метение; толкание, пихание, клевание; шлепание ногами, хлопанье челюстями; верчение.

В названиях ряженных отразились также мировоззренческие, в том числе христианские представления: понятия "судьба", "смерть", "предки": "дед" и "баба", "Бог", "черт". Таковы названия ряженных морав. *sudičky*, слц. *D'ad*, *Baba*, морав. *Smrt*, слц. *Čert*, чеш. *Boží poslíček*.

Основой номинации других ряженных могла служить функция персонажа, его поведение, одежда и атрибуты, а также символический смысл всей фигуры в целом (названия типа слц. *Slameník* - ряженный, обкрученный соломой, морав. *Bohatý* - "богатый"). Большую часть терминологии антропоморфных ряженных составляют апеллятивы, называющие изображаемых ими представителей различных этнических, социальных, профессиональных и половозрастных групп (напр., чеш., слц. *Žid*, слц. *cigánky*; чеш., слц. *Kominár*, слц. *Tešár*; чеш. *Pán*, слц. *Chlap*; слц. *staré ženy*, *tehotná žena*). Они являются характерной принадлежностью масленичного маскарада, но могут появляться и в рождественский период и некоторые другие сроки.

Интересны названия ряженных по их речевому поведению, когда в названии отражается отдельное произносимое слово: чеш. *Mulísák* (от *mulí se* 'молись!', морав. *hřebenář* (от слов "Staré báby na hřebeně!"). В ряде случаев в качестве названия ряженных используются имена собственные, которые обычно имеют символическое значение с оттенком экспрессивности (напр., чеш., морав., слц. *Kubo* - образ дурачка, воплощение отрицательного или смехового начала).

Отличие от многочисленных антропоморфных, зооморфные ряженные не столь многообразны. Это "Конь", "Коза", "Кобыла", "Тур", "Медведь" и спорадически встречающиеся "Лиса", "Заяц", "Паук", "Дятел". Они выступают как в масленичный, так и в рождественский периоды.

Некоторые из них, например, "Кобыла", имеют разные наименования: чеш., морав. *Kobyła, Brůna*, чеш. *Šiml(a), Klibna*. В работе определены происхождение и семантика этих терминов.

Мифологические и христианские персонажи являются участниками календарных праздников и обрядов в той мере, в какой они персонифицируют праздник, мотивируют исполнение обрядовых действий, а также названия праздников, ряженных и обрядовых действий. Такие персонажи могли изображаться ряжеными, о чем уже шла речь, а могли оставаться героями быличек, поверий и запретов. Если о св. Люции существует большое множество быличек и она воплощается в ряженных персонажах, то о св. Петре говорят только, что он спускает с неба лесенку, по которой "Барборки" сходят на землю.

Для рассмотренных групп различаются способы терминообразования. Терминология ряженных образуется главным образом путем семантической трансформации: переноса названий изображаемого персонажа на изображающий. Основным способом номинации исполнителей обрядов является аффиксация, причем, как и в группе обрядовых предметов, наблюдается вариативность формантов, присоединяемых к одному и тому же корню (слц. *koledník, koledáš*, слц. *polazník, polazňar*). Имеются также заимствования (напр., чеш. *Šiml* < нем. Schimmel, *Larř* < нем. Läufer, *Perchta* < нем. Berchta, Per(c)hta, слц. *Dodola* < серб. Додола).

В заключении работы подводятся итоги исследования около 2 тысяч календарных терминов, зафиксированных на территории Чехии, Моравии и Словакии. Деление терминов на группы, соответственно обозначаемому (денотату), было необходимо для целей анализа и более полного выявления специфики каждой ЛСГ. В то же время при известной автономности каждой группы, они составляют единую систему взаимосвязанных и взаимообусловленных фрагментов календарной обрядности, что в основе своей связано с системностью отображаемых языком реалий и понятий. Однако язык, являясь орудием ментального познания мира человеком, отображает этнографическую реальность не прямо, не зеркально. В отличие от внеязыковой обрядовой реальности,

сосредоточенной вокруг действия, лингвистическая реальность - терминологическое оформление ритуала - вовсе не обязательно сосредоточивается вокруг глагола или иной языковой единицы, обозначающей действие. Наоборот, такими центрами часто становятся хрононимы и понятия-концепты, близкие мифологическим представлениям. Характерной особенностью календарной обрядовой терминологии является максимальное использование словообразовательного потенциала слов с временным значением 'праздник' и как следствие этого - большой удельный вес терминов, мотивированных хрононимами. Как сами хрононимы, так и по сути, весь календарь тесно связан с церковным языком и традицией, давшей начало многочисленным мотивировкам, поверьям, обрядам, персонажам, предметам, и принесшей с собой значительный пласт иноязычной лексики.

Наиболее ярко системность календарной терминологии выражается в наличии так называемых "ключевых слов" - лексем и корней, обладающих широким семантическим спектром и служащих мотивирующей основой для номинации большого числа терминов различных ЛСГ. К ним относятся корни: *bab-*, *barbor-*, *boh-*, *ded-*, *hod-*, *jidaš-*, *koled-*, *kral-*, *luck-*, *maj-*, *mater-*, *mlad-*, *mor-*, *polaz-*, *smrt-*, *štedr-*, которые обозначают наиболее важные концепты традиционной культуры, имеющие отношение к понятиям добра и зла, жизни и смерти, богатства, здоровья, плодovitости. Например, корень *polaz-* используется для названия обряда (чеш. *polazeň*, слц. *polazník*), обрядового реквизита (слц., морав. *polaznička*, *polazne*, *polaznica*), исполнителя (чеш., слц. *polazník*, слц. *polazňar*), календарных дней (чеш. *polazné dni*, слц. *polazujúce dni*), а также в свадебной обрядности для номинации веточек, приносящих счастье.

Как показало исследование, бóльшая часть календарной терминологии составляет общий фонд обрядовой лексики чешского и словацкого языков. Он формируется на основе праславянских и древнеславянских корней; часто общими оказываются и заимствования. Различия в лексике коренятся в различии исторической судьбы народов,

волнах этнических миграций, меняющих языковой ландшафт, влиянии культуры и языка соседних народов, а также в развитии самих языков и их диалектов. Чешская и словацкая традиции сходны по сути и содержанию, различаясь в основном лишь лингвистическим оформлением некоторых символов или реалий. Кроме того, необходимо учитывать, что не существует четкой границы, разделяющей два языка. Многие изолексы и изопрагмы западнословацкого диалекта имеют продолжение в моравском диалекте чешского языка. Моравия как уникальная по наличию разнородных этнических элементов территория, с одной стороны, объединяет чехов и словаков, а с другой - является переходным звеном в картине изменения культурных и лингвистических признаков славян с востока на запад.

Система календарной обрядовой терминологии включает в себя специфические календарные термины (все хрононимы, а также названия ритуалов, реалий и лиц, не встречающиеся в других обрядовых сферах: чеш. *Pikšvonc, pochování masopusta*, слц. *ocel'ovanie, polaz(eň)* и др.), межобрядовую терминологию (т.е. обслуживающую другие сферы обрядности, а также мифологическую и демонологическую лексику: чеш. *Bllá paní, Perechta, Bejková svadba*, слц. *Bohyňa, bosorka, žobranie, materák, radostník* и др.). Особенно много в календарной обрядности элементов свадебной, меньше - похоронной и окказиональной обрядности, в частности, обрядов вызывания дождя. В качестве терминов календарная обрядность использует также нетерминологическую лексику. Грань между нею и терминологической лексикой довольно зыбка и субъективна, тем не менее, есть очевидные случаи терминологического использования нетерминологической лексики, как, например, название рождественского кушанья чеш. *kaše s medem*; слц. *bič* и *ocidzarka* - бич и цедилка для молока, которые на рождественской службе использовались для распознавания ведьм, и некоторые другие.

Публикации по теме диссертации:

1. Календарная терминология словаков Закарпатской области Украины // Исследования по словацкому языку. М., 1992. С. 222-240.
2. Ритуальные действия со срубленным деревом у словаков // Живая старина, 1995, № 4(8). С. 15-16.
3. Ряжение (в соавторстве с Л.Н.Виноградовой) // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 343-345.
4. Терминология хлебов в календарной обрядности чехов и словаков: Типы мотивации // Славянское и балканское языкознание (в печати); 1,5 а.л.
5. Типы движения в западнославянских "королевских" обрядах // Концепт движения в славянской духовной культуре (в печати); 0,8 а.л.
6. О магических функциях колокольчика в народной культуре славян // Мир звучащий и молчащий: Символика звука и речи в традиционной культуре славян (в печати); 0,5 а.л.
7. Крыша дома в магических обрядах славян // Славяноведение, 1996 (в печати); 0,5 а.л.

